

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS
ALUSTATUD 1893 a. VIHİK 284 ВЫПУСК ОСНОВАНЫ в 1893 г.

ТРУДЫ ПО ЗНАКОВЫМ СИСТЕМАМ

V

Памяти Владимира Яковлевича Проппа

ТАРТУ 1971

Б. Л. ПАСТЕРНАК — КРИТИК «ФОРМАЛЬНОГО
МЕТОДА»

Публикация Г. Г. Суперфина

Ключом к выяснению сложившегося во второй половине 1920-ых гг. и, вероятно, окончательно тогда оформившегося отношения Б. Л. Пастернака к «формальному методу» является приводимый ниже текст его письма к П. Н. Медведеву.

Как известно, в последние месяцы 1928 г. появилась книга: П. Н. Медведев, *Формальный метод в литературоведении*. Критическое введение в социологическую поэтику. Этот труд, наряду с монографией В. Н. Володинова «Марксизм и философия языка», относится современными критиками к направлению литературоведческой мысли, именуемой «школой М. М. Бахтина».

В 1928—1929 гг. Б. Л. Пастернак связан был с П. Н. Медведевым, работавшим в Ленгизе, деловой перепиской, содержание которой зачастую переходило в область «посторонних» интересов.

Пастернак 10 января 1929 г. в письме к Медведеву задает вопрос: «*Что ж Вы не шлете обещанной книги?*»; в письме от 20 января — «*Когда пришлете книгу, буду ее читать урывками, и наперед вынужден Вас предостеречь: не подивитесь, если запоздаю ответом, и скорого не ждите*».

Книга, о которой идет речь, — «Формальный метод» (это выясняется из публикуемого письма). Пастернак получил ее в последние дни января. 1929 г. —

Глубокоуважаемый Павел Николаевич!

Книгу Вашу получил и очень благодарю за нее. Т<ак> к<ак> в дни ее получения я времени для чтения урвать не мог, то и не воспрепятствовал одному теоретику, приятелю моему со студенческой еще скамьи¹, ею завладеть. Мы должны были в этот день навестить Б. Садовского², он зашел за мной, и так мы втроем (с книгой) туда и отправились. <...>⁶ (письмо датируется по почтовому штампу: 29. I. 1929. Москва).

Спустя длительное время, Пастернак пишет письмо следующего содержания:

20. VIII. 29

Дорогой Павел Николаевич!

У меня лето сложилось очень неудачно, я болел, меня оперировали.

С месяц живу под Можайском в семье одного историка Рима⁸, — род пансиона. Когда-то очень давно, когда он и сам был мальчиком, а я — младенцем, мои родители были дружны с его семьей⁹, а потом, с кончиной его родителей это разладилось, и нашему теперешнему симбиозу предшествует, более чем 30 летний перерыв. В силу изложенного он с особенной теплотой выделяет меня из числа своих нахлебников; и он не может меня третировать, как мальчика: я тут с женой и ребенком, мне 39 лет, мое имя и

профессия ему, стороной, известны. Но в силу тех же приведенных причин он не может не отрицать меня со всею названною теплотой, и я ему должен казаться ложным порождением¹⁰, бездарной претензией, кладущей пятно на его светлые юношеские воспоминания о моем отце и матери, около 8 лет (по болезни последней) живущих за границей. В двух словах этой обстановки, очень обыкновенной и естественной, не изобразить. В этой атмосфере мог бы работать только человек крайне самоуверенный. А я, вдобавок, приехал сюда после болезни, и если допущенный перерыв уже и тогда требовал силы для преодоления, то теперь «принимая во внимание» описанное, он мне кажется непреодолимым. Но открываю я не в виду Ленгизовского договора. Как с этим будет, — боюсь думать, и думать начну, когда возопиет само учреждение. В подробности эти вдаюсь вот зачем. Последние дни читаю Вашу книгу, и хотел написать Вам по ее прочтении, но сегодня, на 170-й* странице, почувствовал страшную тягу к работе, и это обстоятельство — живейшая ей похвала. Я не смею сказать — лучшая и высшая, потому что надо всем моим миром с его градиациями подъемов и падений имеется целая бесконечность еще более разительных реакций и отзвонков, и значит, со своим пределом я не вправе ломиться в объективный суперлатив. Но, что касается меня, то очень существенные и краеугольные вещи оживлены и наведены на память этим чтением. Я не знал, что Вы скрываете в себе такого философа. Читал без карандаша, в оправдавшейся надежде, что главные тонкости не изглядятся и так. Очень не в бровь, а в глаз отделаны постоянные lapsus'y <...> с <...> непониманием внутреннего функционального воздействия в пределах самой литературы¹¹ и поисками запретного давления и праздного, науке ни во что не дающегося и ни к чему не нужного влияния. Я слаб в теоретической литературе и не начитан, но с **таким ясным разбором** этой давно, как бабушкина бородавка, знакомой путаницы, столь характерной для нашей публицистики, встречаюсь впервые. И Вашу позицию в отношении формализма целиком разделяю, с той, впрочем лишнюю оговоркой, что, разумеется, в деталях Вы к ним несправедливы. Это вероятно сознаете и Вы, и это допущение умышленно. Я говорю о **недостаточных** толкованиях некоторых понятий, как то: остранение, взаимоотношение фабулы и сюжета и пр. и пр. Мне всегда казалось, что это, теоретически, очень **счастливые** идеи, и меня всегда поражало, как позволяют эти понятия, эвристически столь дальнобойные, быть их авторам тем, что они есть. На их месте я тут же, сгоряча, стал бы из этих наблюдений выводить систему эстетики и если что всегда, с самого зарождения футуризма (и чем дальше тем больше) меня от лэфовцев и формалистов отдаляло, то именно эта непостижимость их замиранья на самых обещающих подъемах. Этой непоследовательности я никогда понять не мог. <...>. И вероятно с внешнею удачей Вас поздравить нельзя. Тем сердечнее благодарю Вас за удовольствие и за минуты радостного изумления, которые Вы мне доставили. Особенно мне близко Ваше понимание историзма, социальной перспективы и других неуловимостей, на которых, пожалуй, все и держится. Крепко жму Вашу руку. Всего, всего Вам лучшего.

Ваш Б. Пастернак¹²

Комментарий

В это же время Пастернак пишет вторую часть «Охранной грамоты». Весьма возможно, что в ней имеются реминисценции из книги П. Н. Медведева. Ср.: Борис Пастернак, Охранная грамота, Л., 1931, стр. 59—60, и особенно: «Наставленное на действительность, смущаемую чувством, искусство есть запись этого смещения. Оно его списывает с природы. Как же смещается природа? Подробности выигрывают в яркости, проигрывая в самостоятельности значения. Каждую можно заменить другою. Любая драгоценна.

* В подлинника описка: 270-й.

Любая на выбор годится в свидетельства состоянья, которым охвачена вся переместившаяся действительность.

Когда признаки этого состоянья перенесены на бумагу, особенности жизни становятся особенностями творчества. Вторые бросаются в глаза резче первых. Они лучше изучены. Для них имеются термины. Их называют приемами, со следующим местом (указанным Пастернаком в начале письма) у Медведева: «... прием (если мы условно примем этот термин) движется не в нейтральной лингвистической стихии, а врезывается в систему социальных оценок и через это сам становится социальным деянием.

В приеме важна именно эта положительная, создаваемая им перегруппировка, обновление или нюансировка ценностей. В этом заключается смысл и роль художественного приема» (П. Н. Медведев, *Формальный метод*, стр. 170).

1. М. Бахтин, В. Волошинов, П. Медведев активно участвовали в культурной жизни Витебска в начале 1920-ых гг. (см.: «Искусство», Витебск, 1921, все номера). В Петрограде Волошинов и Медведев продолжали совместно работать в «Записках Передвижного Театра П. П. Гайдебурова и Н. Ф. Скарской» (Медведев с 1922 г. — редактор этого журнала). Там же сотрудничал и Л. В. Пумпянский, научные позиции которого не изучены, а между тем они не менее важны, чем позиции двух остальных, для истории «школы Бахтина».
2. Пумпянский выступил в Вольной философской ассоциации 2 октября 1921 г. с докладом «Достоевский и античность» (издан отдельной брошюрой в 1922 г.), в котором определенно были поставлены вопросы о «типологических» связях в организации речевого материала, развитые в монографии Бахтина «Проблемы творчества Достоевского». Как явствует из рукописного наследия Пумпянского, он неоднократно в 1920—1930 гг. обращался к проблемам общей типологии культуры.
3. Рукописный Отдел Государственной Публичной Библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (далее — РО ГПБ), ф. 474, ед. хр. 7, л. 1. Это первое по счёту письмо, хранящееся в этом фонде. (Всего их 15, причём имеются основания полагать, что сохранилась лишь часть писем). Письма Медведева, вероятно, не сохранились.
4. Там же, л. 5 об.
5. Имеется в виду К. Г. Локс.
6. Б. А. Садовской жил в собственной квартире в Новодевичьем монастыре, под Красной Церковью. О встречах Пастернака с Садовским во времена «Сердарды» — К. Г. Локс. История одного десятилетия (1907—1917). Рукопись этих воспоминаний хранится у Е. Ф. Куниной.
7. РО ГПБ, там же, л. 10.
8. Там же, лл. 24—27 об.
9. Дмитрий Петрович Кончаловский (1878—1952), бывший преподаватель Московского университета, жил на даче «Огневский овраг» в 7 км от Можайска.
10. Ср.: «К образу медвежьих чувел в экипажных заведениях Каретного ряда и к образу добряка-великана, сутулого, косматого, глухо басившего книгоиздателя П. П. Кончаловского...» (в «Людах и положениях»). См. об активном участии Д. П. Кончаловского в университетских событиях 1901—02 гг. на стороне «левой» части академического союза в воспоминаниях Ив. Хераскова «Из истории студенческого движения в Московском университете; Воспоминания участника. 1897—1903», — сб. «Московский Университет. 1755—1930», Париж, 1930. Он же был одним из преподавателей Университета, в 1911 г. ушедших в отставку в знак протеста против акции Кассо.
11. Ср.: Д. П. Кончаловский, *Личность и общество*, М., изд-во преподавателей МУ, <лето> 1917. В этой брошюре мы находим мысль о том, что личность на Западе, благодаря приятию правил общества, соответствует своему положению в нем, а в России личность, общественно не организованная, занимает ложное место в коллективе. К написанию

«Охранной грамоты» Пастернака побудили, очевидно, мысли того же характера. Ср., с письмом его к Медведеву от 30. XI. 29, где в частности говорится: *Как все это, в общем, тяжело! Сколько кругом ложных карьер, ложных репутаций, ложных притязаний! И неужели я самое яркое в ряду этих явлений? Но я никогда ни на что не притязал. Как раз в ущерб ранень этой видимости, совершенно невыносимой, я стал писать Охранную Грамоту. Я готов быть осужденным и вычеркнутым из поминанья за дело, на основании моей действительной наличности, но не иначе. Я никогда, победителем себя не чувствовал и об этом не думал. Но и «литературой» не занимался. Отсюда усиленный автобиографизм моих последних вещей: я не люблюсь тут ничем, я отчитываюсь как бы в ответ на обвиненье, потому что давно себя чувствую двойственно и неловко. Поскорей бы довести до конца совокупности этих разъяснительных работ. И тогда я буду надолго свободен, я писательство брошу. Я б это сделал и сейчас, ничего не докончив, если б не семья и пр. и пр.* (РО ГПБ, там же, лл. 54об—54). Ср. также целый ряд стихотворений Пастернака на ту же тему.

11. Имеется в виду вульгарно-социологический метод, претендовавший на роль единственно возможного «марксистского» учения о литературе, который характеризуется Пастернаком как «дешевый гибридный». Ср. с критикой ряда положений В. М. Фриче, данной Медведевым в главе «Очередные задачи литературоведения».
12. Пастернак в переписке с Медведевым еще один раз упоминает о его книге в связи с отказом издательства напечатать «Спекторского». Пастернак апеллирует к содержанию «Формального метода», чтобы лишней раз объяснить свою творческую неудачу, коей он считает «Спекторского»: *«...в своей книге Вы дали не мало доказательств того, как живо и тонко Вы улавливаете случаи тождества плана творческого с социальным, а стало быть и случаи социальной несостоятельности, совпадающей с несостоятельностью художественной»* (РО ГПБ, там же, лл. 39 об.—40. Дата письма: 28. XI. 29).